

УДК 821.161.1 (091)

ПРАВИЛА ПРОСВЕЩЕННОГО МОНАРХА В «ЗАПИСКАХ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II»

Татьяна Ивановна Акимова

к. филол. н., доцент кафедры русской и зарубежной литературы
Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева
430000, Саранск, Большевикская, 68. akimova_ti@mail.ru

В статье исследуется проблема формирования в сознании Екатерины II нормативных правил поведения просвещенного государя, наиболее ярко представленных в таком произведении, как «Записки императрицы Екатерины II». Художественно-литературная основа «Записок», несмотря на их документальную видимость, отвечала задачам государыни по созданию нравственного и рационально мыслящего образа монарха, конструируемого императрицей в ходе внутренней рефлексивной работы над собой.

Ключевые слова: Екатерина II; романная структура; мемуары; историко-биографический жанр; любовно-авантюрный роман.

«Записки императрицы Екатерины II» – сложное жанровое образование, которое при желании могло выйти из рамок мемуарного произведения и превратиться в историко-биографический, любовно-авантюрный или антигероический роман, в зависимости от просветительских задач их автора. И то, что Екатерина-императрица не пожелала или не успела сделать из этого материала законченное произведение, позволяет нам в какой-то степени представить возможные жанровые образцы, которые появились бы при условии осуществления желания монарха стать в первую очередь писателем.

1. Историко-биографический роман: поиски героя

Образцы историко-биографических жанров Екатерина знала весьма хорошо, как античные, так и современные ей, о чем делилась со своими читателями в разных местах произведения; в начале, например, она признавалась: «...я читала Записки Брантома, которые очень занимали меня. Перед тем я прочла жизнь Генриха Четвертого, сочинение Перфикса»¹; и она неоднократно демонстрировала свою любовь к чтению: «Я читала тогда историю Германии и всеобщую историю Вольтера», «я прочла летописи Тацита, произведшие странный переворот в голове моей...» (164). Однако образ хорошо начитанной героини не воспринимался ею редким, «героическим» и, являясь нормой в светском кругу, вводился в повествование о себе как типичном представителе своего времени. В подобной установке на норму,

а не на исключительность героини кроется источник обаяния «Записок императрицы Екатерины II», выделяющихся из произведений подобного рода.

Попытка обращения к описанию собственной жизни – не единственная для писателя ее статуса. Она наверняка знала «Мемуары Маргариты де Валуа» [Маргарита 2010] или «Историю моего времени» Фридриха Великого [Оставшиеся 1789]. Обладая критическим складом ума и являясь более чувствительной натурой, чем ее прусский «коллега», закалявший свою выдержку и волю в семилетней войне, российская императрица была расположена к аналитической работе над конкретным материалом и не искала возможности убежать от реальности через риторические приемы и абстрактные рассуждения. Эта предельная конкретность мышления отчасти мешала ей в сфере воображения, столь незамысловатой в писательском ремесле, но давала возможность проявиться ее аналитическим способностям в смеховом поле, как раз и заключающимся в умении видеть предметность в критическом направлении установления нормы и отклонений от нее. Подобная направленность ее мышления распространялась не только на ее окружение, но и на нее саму, что и подталкивало Екатерину к изображению трагикомической стороны своей жизни.

Возвышенное описание самое себя ее не занимало. Она стремилась воспользоваться конкретно-критическим писательским видением,

которое рождалось вместе с глубоким анализом собственного поведения и мышления. Наблюдая над собой, она не могла не смеяться над своими ошибками, тем более что речевая деятельность на иностранном для нее языке предоставляла для этого большие возможности. Однако, смеясь над собой, царица не могла удержать себя от осмеяния других, допуская ошибки в серьезных делах и не способных на столь тонкий критический анализ, который был доступен ей. Этот анализ сознания приводил к разделению личности государя на человеческую и монаршую, затем к сведению их на новом этапе.

Государь, как абсолют свободы и мудрости, уже являл собой образец для своих подданных, в связи с чем в целях их воспитания в просветительской литературе решалась задача разделения идеала и нормы. Как правило, писатели изображали проходимый неопитами путь, завершающийся для будущего монарха личностным и божественным становлением одновременно. Поэтому самый простой способ повествования о жизни монарха укладывался в рамки инициационного восхождения человека к божественной мудрости, к вершинам власти, что не могла не учитывать Екатерина, проводя автобиографическую героиню по линии своей жизни до коронации и сопровождая повествование выводами после очередного «хода» героини. Художественная подоплека в ее великокняжеской биографии рождалась из необычных, почти экзотических, условий пребывания бывшей Софии Августы Фредерики Ангальт-Цербстской при дворе Елизаветы Петровны. Автор описывает свои впечатления от познания обычаев русского двора, явно ориентируясь на европейского читателя, удивляющегося, вслед за героиней, абсурдности многих российских порядков, представляющих интерес с точки зрения самообразования и воспитания.

Первым уроком при изучении русского двора явился урок покорности и раболепия, данный героине мадам Крузе для ответов перед государыней. Фразу «Виновата, матушка» (44) она должна была произносить при ощущении собственного горестного положения. Исключение не делалось даже при известии о смерти отца, поскольку: «Великой княгине не прилично так долго плакать по отце, который был только принц» (56). Открытие своего униженного положения вело Екатерину к формулировке правил для будущего монарха. В эпизоде с оговором героини графом Санти перед императрицей повествователь заключает: «...я поставила себе неизменным правилом не иметь ни в каком случае ни малейших притязаний, во всем соглашаться с волею Ея

Величества и поступать так, как мне прикажут» (57).

Второе, что становится важным на образовательном пути Екатерины, – это личный опыт, приобретаемый при столкновении с суровой, а порой даже опасной для жизни, действительностью. Прежде всего, это относится к эпизодам о многочисленных болезнях, перемежающихся с эпизодами о физиологических и медицинских успехах Екатерины, в которых автор находит место для передачи совета по избеганию того или иного недуга или житейской неприятности.

Последствия пребывания в варварском климате и чужом окружении были чуть ли не смертельными для жизни немецкой принцессы: «...я была вся в жару и чувствовала нестерпимую боль в боку» (8–9). После того, как ей шестнадцать раз в течение двадцати семи дней пускали кровь, София Фредерика Августа вернулась к жизни и стала обдумывать свое существование при русском дворе. Ее положение «с закрытыми глазами» давало ей большие преимущества в изучении традиций и российских реалий: «Во время болезни я привыкла оставаться с закрытыми глазами; думая, что я сплю, графиня Румянцева и остальные женщины разговаривали между собою, нисколько не стесняясь, и этим путем я многое узнала» (10).

Рационализм и опыт станут основой для формулировки правил поведения при дворе. Так, чудесным образом избежав оспы, которой заразился Великий князь, невеста Петра Федоровича заключает второе правило поведения: «Больше чем когда-либо я старалась снискать расположение всех, вообще больших и малых. Никто не был забыт мною, и я поставила себе правилом думать, что я нуждаюсь во всех, и всячески приобретать общую любовь, в чем я и преуспела» (31). Заболев корью, она, наблюдая за уходом Чоглоковой, рождает правило, как расположить к себе людей: «Я никогда не капризничала, не думала на них, но всегда ценила малейшую предупредительность, которую мне они оказывали» (79–80).

Следующее правило поведения выводится из ощущения зубной боли: «Десять дней я пролежала в постели; и зубная боль моя возобновлялась ежедневно после обеда, в один и тот же час» (84). Екатерину поразило, что никто не обращал внимания на ее недуг, более того, ей дали поручение «убирать к венцу племянницу графини Румянцевой» (85). Вывод автора: «Я могла ясно видеть, как мало думали о моем здоровье и, может быть, даже о моей жизни» (85). И описание чудесного спасения от обвалившегося дома, из

которого ее вынес Левашов, подтверждали ее слова.

Упоминание о многочисленных болезнях, которые доводили героиню до ситуации между жизнью и смертью, приближало Екатерину к образу французских аристократок, вынужденных отказываться от выходов в свет из-за своего слабого здоровья и решавших организовывать свое общество у себя дома. Как пишет Клод Дюлон о хозяйках салонов: «...они явно более других страдали от дискомфорта их эпохи, равно как от тысячи небольших недомоганий, непостижимых для тех их современников, которые обладали более крепким здоровьем или грубостью» [История 2008: 413]. Создательница же «Записок» рассказывает, как, попав в совершенно варварское окружение, она должна была думать о сохранении своего здоровья не путем ограничений от контактов с обществом, которых и так не было, а способом борьбы с недугами и закалки своего организма, когда, проживая в Ораниенбауме, героине приходилось «до тринадцати раз в день садиться на лошадь» (104). Профессиональное обучение верховой езде вплетается в ее вывод о важности этого занятия для монарха. Говоря о своих занятиях, Великая княгиня указывала, каким образом она вводила их в распорядок своего дня: «Я вставала в шесть часов утра, одевалась по-мужски и шла в сад свой; там у меня было устроено особое место на чистом воздухе, служившее мне манежем (183). Результат этих занятий, возвещающий о победе над недугами, она вкладывает в уста Циммерману: «Во всю жизнь у меня не было ученика, которым бы я мог гордиться и который бы делал такие успехи в такое короткое время!» (183).

Однако скоро она начинает использовать в политической игре свою болезнь и плохое самочувствие как самое действенное средство. Так, сказавшись больной: «Около двух или трех часов ночи я позвонила и сказала вошедшей женщине, что чувствую себя чрезвычайно дурно и хочу исповедаться» (241–242), – героиня получает способ встретиться с императрицей. И в этом утверждается не только эволюция героини от девочки с закрытыми глазами, познающей тайны чужого для нее двора, до рационально мыслящей женщины, но и рождение политика, использующего даже свою болезнь в борьбе с врагами.

Во вторую очередь, важным для монарха становится навык ведения хозяйственных дел, прежде всего экономии денежных средств. Столкнувшись остро с этой проблемой сразу по прибытию, Екатерина постоянно испытывала стеснение в материальных средствах. Научиться разумно тратить деньги и вести жизнь соответ-

ственно своему статусу – было непростым делом при дворе Елизаветы Петровны, когда празднества и маскарады чередовались с игрой в карты и совершенно бессмысленными денежными тратами. Это испытание не проходит Иоганна Елизавета, оставившая своей дочери после отбытия из России долг в 6 тысяч. В отличие от нее, героиня расходует материальные средства с целью расположения к себе недоброжелательных придворных, как, например, в случае с проигрыванием крупных сумм Чоглоковой. Кроме того, траты производились не только для выходов в свет, но и для ежедневных прогулок верхом, когда наезднице нужно было менять платья. И Екатерина приводит ряд мер, благодаря которым она выходит из долговой несвободы.

1. Она придумывает, как отказаться от перевозки мебели из Зимнего дворца в Летний и обратно, приводящее к тому, что «переезжая из одного места в другое, я находила свои комнаты совсем прибранными; при том же не было ни возни, ни ломки при перевозе» (118).

2. Изобретает, как переустроить канал. Пожалуй, это единственный случай, когда Екатерина обнаруживает себя в авторе «Записок». Так, описывая пребывание императрицы в Кронштадте ради пуска канала, писательница замечает, что он так и не заработал, так как для этого не было сделано особого приспособления: «Канала не могли спустить с тех самых пор до моего царствования, когда я приказала построить особого рода мельницу, которая посредством нагревания выбирает воду из канала; иначе это было невозможно, потому что дно канала стоит ниже уровня моря, чего в то время не замечали» (131).

3. Задумывает раскинуть сад в Ораниенбауме. Она покупает у князей Голицыных «сто десятин с давних пор заброшенной и пустопорожней земли, которую они владели возле самого Ораниенбаума» (171). С этого момента она обучается чертить планы и разбивать сад. И именно это занятие оказывается монаршим, по мнению садовника Ламберти, который предсказывает героине взойти на русский трон.

4. Решает дела мужа по уменьшению расходов Голштинских войск, но наталкивается на сопротивление со стороны советника Великого князя, Брокдорфа, имеющего свои расчеты на российскую казну.

5. Дает обеды в честь победы русских войск. Этот факт имел огромное значение в глазах Ораниенбаумского общества, так как Екатерина демонстрировала свой интерес к русским войскам в противовес Великому князю, досадовавшему на них за поражение, нанесенное своему кумиру Фридриху, королю Прусскому. В результате –

«он и все общество, по-видимому, были веселы и остались довольны моим обедом» (203).

6. Организует свою комнату по своему усмотрению. После вторых родин она, зная, что ее оставят в полном одиночестве, решает уберечь свое здоровье и организовать свой досуг, придумав устроить кабинет. «Кровать моя стояла почти посередине довольно длинной комнаты; окна были с правой стороны от кровати; незаметная дверь вела в комнату с гардеробом, которая была загромождена ширмами и сундуками, и служила также переднею комнатою. Начиная от постели до этой двери, я велела поставить огромные ширмы, за которыми образовался чудеснейший кабинет, какой можно себе вообразить, взяв во внимание местность и обстоятельства. В этом кабинете у меня стоял диван, были зеркала, передвижные стены и несколько стульев» (221).

7. Придумывает организовать аукцион. Лотерея, как она назвала предприятие по нахождению денег, явился формой самопрезентации Екатерины, сумевшей снискать расположение всей публики. «Я думаю, не было ни одной вещи, которая стоила более ста рублей. Но эти вещи были получены от меня, и потому все говорили друг другу: это получено мною от Ее Императорского Высочества В. Княгини» (213).

Не меньше внимания уделяла Екатерина политическому взрослению своей героини и тем выводам, которые она заключала из общения с вельможами, имеющими политический вес в государстве, в связи с чем обращалась к фигурам таких елизаветинских сановников, как К.Разумовский, И.Шувалов и А.Бестужев. Формирование своего круга Екатериной начинается сразу после замужества. В эпизоде с Юковой автор «Записок» показывает, как любая привязанность к русским людям вызывала у императрицы раздражительность, не приносящая никакой познавательной пользы, – «сказать правду, эта сцена вовсе не была для меня ни убедительна, ни поучительна» (34). Принятие приближенных Великого князя было для нее мучительным и несовместимым с правилами Екатерины занятием. Признание цесаревны в собственном одиночестве: «Я не привыкла проводить время так, чтобы быть среди людей и, не смотря на то, оставаться в одиночестве» (37), – литературно усиливает сложность восхождения героини к своему признанию и славе. Однако все же из-за поступков Петра супруги оказались в заточении: «Я и Великий князь могли быть свободны только друг с другом; это было своего рода заточение, которого ни я, ни он не заслуживали» (59). Данную меру со стороны императрицы Екатерина также осуждает и выводит следующее правило:

«можно видеть, какую цену имеют подобные запрещения; нельзя добиться, чтоб они соблюдались во всей точности, потому что всегда найдутся люди, готовые нарушить их» (61).

Итак, обретя свою героиню в поэтапном личностном становлении в чужих, почти варварских, условиях, Екатерина не довольствуется хронологическим описанием важного промежутка своей жизни (что выводит «Записки» из рамок автобиографии) и не сосредоточивается на изображении особенностей времени, в котором ей выпало родиться и жить (а значит, не совсем уместается в рамки мемуарного жанра), но делает акцент на формулировании правил, которые выводятся автором-императрицей из оценки самое себя и своего поведения в сравнении с портретной характеристикой мужа, Великого князя Петра Федоровича, наследника русского престола.

2. Любовно-авантурный роман:

образ жены наследника престола

Центральный образ, скрепляющий все повествование «Записок», – образ жены наследника престола. С описания родословной мужа начинается осмысление Екатериной своей жизни в царствование Елизаветы Петровны и свиданием с императрицей для интимного рассказа о том, как Петр Федорович как муж, человек и будущий государь, заканчивается.

Автор вводит читателя в сферу очень интимных отношений героини как со своим мужем, так и со всем окружением. Рационально взвешивая бытовую обстановку и способы проявления себя как личности, для которой любовь является важной жизненной составляющей, Екатерина идет по пути отказа от чувства к мужу ради высокой цели быть помощницей Великому князю в будущем управлении российским государством. Такой корнелевский классицистический пафос звучит уже в начале произведения. Однако острая точка зрения автора на себя приводит ее к мнению о бессмысленности данной жертвы, поскольку муж не способен на рациональную оценку как мыслей, так и поступков жены. Погружаясь в глубины самоанализа, Екатерина открывает читателю способы обретения любви, свое просыпание от полубесчувственного состояния «девочки с закрытыми глазами». Поэтому значительное внимание уделяется в повествовании всем признаниям героине в любви, оказании ей внимания со стороны двора и, самое главное, собственному пониманию возникновения и развития чувства. Перед лицом высокой морали автор объясняет, как сильные первичные семейные устои героини сменяются при дворе Елизаветы Петровны отношениями фаворитизма, под кото-

рые подводятся любые изъявления расположения к противоположному полу.

Безусловно, «героем» любовных романов явился для аристократической публики Людовик XIV, который, как известно, «прославился не как создатель Версаля, а скорее как король, который действительно умел любить, искренне и нежно» [Любовные 2003: 25]. Именно его образ сделал «Астрею» самым привлекательным произведением как для французской аудитории второй половины XVII, так и для русского общества XVIII в. Описывая поведение Великого князя как наследника российского престола, Екатерина соотносила его образ с европейским каноном «любви». Не имея «своего общества», Великая княгиня могла общаться только с приближенными Петра Федоровича, но и при этих обстоятельствах она получает выход в большую политику.

Этому способствует правило пользования женской привлекательностью, реализуемой через братьев Чернышевых. Так, говоря о старшем брате, она сообщает: «Чернышев был очень близок и дружен с моим камердинером, Евреиновым, и чрез них я часто узнавала много такого, чего бы мне никогда не пришлось узнать» (45). Умелое пользование им приводит к тому, что Петр сам уступает свое место Андрею Чернышеву, когда, как пишет автор «Записок», «называл меня в шутку: его невеста, а Андрея Чернышева, говоря со мною, ваш жених» (45).

С этих пор она начинает постигать правила фаворитизма, присматриваясь к любимцам Елизаветы Петровны. На ее глазах происходит возвышение Шувалова, однако автор «Записок» обращает внимание на изломанную судьбу его соперника, Бекетова, стихотворца, сочинявшего песни для мальчиков-певчих, но обвиненного, по навету, в патологической любви к ним. Немилость Елизаветы имела ужасающие последствия: «он должен был удалиться от двора, и потом переведен был в армию, где не имел никакого успеха. Его чересчур обабили, и он уже не мог заниматься военным ремеслом» (116). Поняв, какая мера ответственности лежит на членах монархической семьи, выбирающих себе любимцев из своего окружения, Екатерина с большой осторожностью принимает галантные жесты Захара Чернышева, которые, по романно-рыцарскому кодексу, должны сопровождаться любовными записками: «Однажды я получила от него девиз через княжну Гагарину и, вскрывая коробочку, заметила, что она раскрыта и расклеилась. В ней был, как и во всех, печатный билетик со стихами, но два стиха эти были очень нежного и чувствительного содержания. После обеда я приказала принести себе девизов и стала искать билетца,

который бы, не выдавая меня, служил ответом на его билетец. Нашедши такой, я положила его в девиз, имевший вид апельсина, и отдала княжне Гагаринной, чтобы она доставила графу Чернышову» (120). Далее галантные правила переносятся на портрет Сергея Салтыкова, подаваемый сразу через образ низкого и непорядочного лакея: «я вышла в маленькую прихожую, где обыкновенно по утрам сидел Шкурин и где были мои платья, и сколько было у меня силы, дала пощечину во всю щеку. Я сказала ему, что он поступил как изменник и самый неблагодарный человек в свете, осмелившись пересказать Чоглоковой, о чем я ему запрещала говорить» (123).

Отдавая должное внешности и происхождению Салтыкова: «Он был довольно умен и владел искусством обращения и тою хитрою ловкостью, которая приобретается жизнью в большом свете и, особенно при дворе; ему было 26 лет и со всех сторон – и по рождению, и по многим другим отношениям он был лицо замечательное» (126), – Екатерина подчеркивает, что «он не держался никаких правил». Автор «Записок» говорит не без иронии: «влюблялся он беспрестанно и волочился, можно сказать, за всеми женщинами. Исключение составляла и не пользовалась вниманием его только одна женщина – его супруга» (126). По галантным правилам автор и далее судит поведение С. Салтыкова: «...я ждала его до трех часов утра, но он не пришел» (165).

Таким оказался урок, который начинался с рыцарских ролей и изящных манер. Во-первых, он «дает понять» о причине частых посещений одних и тех же с Великой княгиней мест: «он пленительными и страстными чертами начал изображать мне счастье, которого он добивается» (125). Во-вторых, объяснил превосходство Екатерины перед своей супругой, когда та заговорила о его жене и их счастливом браке: «тогда он начал говорить, что не все то золото, что блестит, и что он дорого заплатил за минуту ослепления» (125). В-третьих, демонстрировал выгоду своей партии перед другими кавалерами в глазах Екатерины: «Наконец он стал делать сравнения с другими придворными и заставил меня согласиться, что он лучше их; отсюда он заключал, что я к нему не равнодушна» (127). Безусловно, фразы, которыми пользуется создательница «Записок», намеренно маркированы любовно-романными сюжетами и отражают ироническое описание Екатериной своего антилюбownika: «Я не говорила ни слова; пользуясь моим молчанием, он стал убеждать меня в том, что страстно любит меня, и просил, чтобы я позволила быть уверенным, что я, по крайней мере, не вполне равнодушна к нему» (127).

Его противоположностью выглядит С.Понятовский, представленный Екатериной человеком ее круга по ряду причин: 1) он начинает ухаживание через письма, писавшиеся от чужого имени, заболевшего Льва Нарышкина: «Записки эти были отлично писаны и в очень веселом слог» (174); 2) участвует в веселой и опасной затее с выездом Екатерины в дом Нарышкина, где они «провели полтора часа самым веселым и забавным образом» (178); 3) рискует головой, проникая, благодаря задумке Нарышкина, в великокняжеские покои: «Нам чрезвычайно полюбились эти секретные свидания; мы стали еженедельно собираться по одному, по два и даже иногда по три раза, то у одного, то у другого; если же кто из нашего общества занемогал, то непременно у больного» (178). В отличие от Салтыкова, Понятовский никогда бы не разгласил свои свидания с Великой княгиней, если бы не одна маленькая белая болонка: «Когда мы пришли в мой кабинет, моя маленькая болонка выбежала к нам навстречу и принялась изо всех сил лаять на графа Горна; но увидав графа Понятовского, можно сказать, чуть не взбесилась от радости» (184). Этот забавный случай как раз соответствовал галантному сюжету и возводил персонажа эпизода в героя любовного романа.

Таким образом, канва любовно-авантюрного романа возникает всякий раз, как только Екатерина изображает свою героиню прежде всего женщиной, мечтающей о достижении счастья в любви. Все эпизоды, описывающие раскрытие женского начала в героине, призваны были подчеркивать мужскую несостоятельность Петра и объяснять несбывшиеся надежды Екатерины Алексеевны на реализацию хотя бы части ее личностного потенциала.

3. Антигероический роман: не любовник, не муж, не монарх

Используя стратегии любовного романа, автор «Записок» доказывает, как тот, кто должен был с гордостью демонстрировать царский венец, совершенно не подходил на эту роль, в силу чего ее постоянно играли другие. Он не стал другом сердца и преданным рыцарем – это место занял Захар Чернышев. Он не стал любовником – эти роли сыграли сначала С.Салтыков, по заданию Елизаветы, а потом С.Понятовский, наиболее подходящий королевскому образу (почему и становится королем Польши при воцарении Екатерины). Он не стал мужем, так как не выполнял главного требования – защищать жену от сплетен и молвы, более того, сам распускал слух о том, что ребенок, может быть, не от него. Он не стал отцом, поскольку не воспротивился тому, что забрали детей и не давали с ними видеться,

был к ним равнодушен. Он не стал правителем, несмотря на владение Голштинским королевством, подобно тому, как Петр I готовил себя к императорскому сану.

В любовно-рыцарском романе герой должен принести счастье 1) любимой женщине, 2) любимой родине, 3) своему окружению. Все эти три параметра Петр III нарушает, потому что не любит свою жену, не любит страну, в которую Господь его привел для того, чтобы он смог стать монархом, ненавидит русский народ. Так, «Записки» Екатерины превращаются в совершенно антигероическое произведение, в центре которого находится потешный образ.

«Записки императрицы Екатерины II» имеют трехмерное строение, соответствующее мифологической вертикали, являющейся отражением монаршей абсолютной сути. В них выделяется низкий план, в котором располагается портрет Петра III; средний, описывающий путь Екатерины к трону; и высший, место обитания автора, и этот уровень можно назвать идеалистическим. Однако описываемое монархиной пространство, безусловно, объемно и имеет театральную природу: так, героиня постоянно ощущает себя актером в мировом пространстве истории, где судьей является мировой высший Разум, к которому обращено все повествование и который единственно может выступать судьей в оценке действий монарха. В этом заключается писательское открытие Екатерины: изображая свой путь от простого смертного до монарха, она впервые показывала статус монарха не как раз и навсегда заданный, а как приобретенный вследствие рационального осмысления героиней своего положения, итогом чего являлись правильные выводы. Этот изначально просветительский посыл преобразовал все произведение государыни из образцово-показательного, напоминающего, что перед нами – записки Императрицы, в записи общечеловеческого масштаба, где личностный опыт и практическая польза оказываются более весомыми аргументами, чем назидательно-декларативный тон, исходящий из уст монарха.

Выработке этой критической дистанции между описываемым объектом и осмысляющим его субъектом способствовало восприятие себя героиней в театральном пространстве, в котором взгляд на себя со стороны был естественным результатом демонстрации себя публике. Например, уже с первых страниц своих записок автор сообщает: «Я была от природы веселого нрава и с удовольствием замечала, что с каждым днем росло расположение ко мне публики, которая смотрела на меня как на замечательного и умного ребенка» (26), тем самым закрепляя сторон-

ний взгляд на себя как основу для личностной рефлексии. Через несколько страниц Екатерина подтверждает, что «во всем этом я была просто зрителем, весьма страдательным, весьма скромным, и можно сказать даже равнодушным» (30). Здесь же она пишет, какую роль она выбрала для себя в этой игре случая или судьбы: «Сердце не предвещало мне счастья; одно честолюбие меня поддерживало. В глубине души моей было, не знаю, что-то такое, ни на минуту не оставлявшее во мне сомнения, что рано или поздно я стану императрицей» (33). И тяготилась той ролью, которую ей отвела Елизавета Петровна: «Я скучала и зевала; мне не с кем было сказать слова; либо же я должна была разыгрывать великую княгиню» (33–34). Ощущение себя среди неискренности и ложности – постоянно звучит из уст героини, пока она не принимает условия игры.

В тексте «Записок» встречается немало эпизодов, в которых рассказ о событиях подается комедийными приемами: например, представление, которое устраивает Санти перед императрицей, или соревнование героини с мадам Арнгейм в верховой езде. Трагическую окраску театральность получает в эпизоде, описывающем желание Екатерины посетить комедию, на которую ее не пускает муж. Непокорность, вызванная культурными предпочтениями, была обусловлена еще и тем, что немецкая принцесса выходила замуж за маленького человека, подобного кукле или игрушке: «После святой он устроил у себя в комнате кукольный театр, на который приглашал гостей и даже дам, эти представления были величайшей глупостью» (38). И ей нужно было многое переосмыслить в роли жены Великого князя: «В самом деле – рассуждала я сама с собою – не истребляя в себе нежных чувств к этому человеку, который так дурно платит за них, я непременно буду несчастлива и измучусь ревностью без всякого толку. Вследствие этого я старалась восторжествовать над моим самолюбием и изгнать из сердца ревность относительно человека, который не любил меня; но для того, чтобы не ревновать, было одно средство – не любить его» (38). Главным личностным недостатком Петра Екатерина называет совершенное непонимание им человеческого сердца, ведущее к искаженному пониманию брака. Так, она описывает свою встречу по приезду в Россию с будущим мужем через чудовищные признания цесаревича о любви к другой женщине: «...он мне открылся в своей любви к одной из фрейлин императрицы, <...> он мне объяснил, что желал бы жениться на ней, но что готов жениться на мне, так как этого желает его тетка» (8). Однако критическое описание поступков Петра III, составляющее портрет

Великого князя как антигероя, делалось ею не столько с целью заклеить или осмеять далекого от просветительской нормы правителя, сколько для составления концепции просвещенного монарха вообще.

Например, Екатерина сообщает, что «все приближенные Великого князя, и в том числе его воспитатели, не пользовались вовсе его уважением и утратили над ним всякую власть» (31), и открывает истинные забавы Петра: «Граф Брюмер и другой главный воспитатель бывали при нем только на публике, составляя его свиту. Все остальное время он проводил исключительно в обществе лакеев и предавался ребячеству, удивительному для его возраста, именно играл в куклы» (там же). Антигуманистический пафос усиливался по мере изображения Великого князя Петра Федоровича будущим монархом, который, игнорируя российские законы и обычаи, пренебрегал разумными основаниями абсолютизма: «Принц был крещен и воспитан по обряду и в правилах самого строгого и наименее веротерпимого лютеранства» (5), а более того, «он несколько раз выражал, что ему приятнее было бы уехать в Швецию, нежели оставаться в России». Вследствие чего «преподаватель русского языка, Исаак Веселовский, являлся редко» (там же). Невмешательство Великого князя в дела государственной политики автор объясняет не иначе, как «ребячеством», и указывает на тяготение его к «детским играм».

Кроме того, Екатерина поражается его несостоятельности в качестве мужа: «любезный супруг мой решительно не занимался мною, но все время проводил со своими лакеями, играя в солдаты, экзерсируя их в своей комнате или переменяя мундиры по двадцати раз в день» (33); затем – незрелости в роли любовника: «я очень хорошо видела, что Великий князь не любит меня; через две недели после свадьбы он опять признался мне в своей страсти к девице Карр, императрициной фрейлине» (37–38); наконец – совершенной легкомысленности в поведении его как государственного лица в случае с дрелью, когда непонимание им ни своего статуса, ни забот императрицы позволило ему просверлить щель в комнату, где обедала Елизавета со своими сановниками: «Его Императорское Высочество мало того, что сам наслаждался плодами своей искусной работы, но еще пригласил тех, кто был с ним, разделить его удовольствие и поглядеть в щели, просверленные им с таким искусством» (39). Автор последовательно изображает нисходящий путь этого «антигероя» – от выпавшего на его долю счастья наследования престола до его лич-

ностной деградации и мужской несостоятельности.

С таким же ироническим оттенком рассказывает Екатерина о других поступках Петра. Во-первых, о собачьих и скрипичных мучениях: «В деревне Великий князь устроил себе собачник и начал сам дрессировать собак. Когда надоело ему их мучить, он принимался за скрипку. Он не знал ни одной ноты, но имел сильное ухо и полагал главное достоинство игры в том, чтобы сильнее водить смычком и чтобы звуки были как можно громче» (58). Во-вторых, о ночных забавах: «Великий князь принимался играть до часу и до двух утра. Я наравне с мадам Крузе, рада, не рада, должна была участвовать в этом приятном занятии. Иногда я забавлялась им, но гораздо чаще оно меня утомляло и даже беспокоило, потому что куклы и игрушки, иные очень тяжелые, наполняли и заваливали собой кровать» (59). В-третьих, о времяпрепровождении со своим окружением: «На масленице при дворе не было в этот год никаких увеселений, и потому Великому князю вздумалось завести маскарад у меня в комнате. Он наряжал своих и моих лакеев и моих служанок и заставлял их плясать в моей спальне, а сам играл на скрипке и поплясывал, что продолжалось до поздней ночи» (60).

Дальнейшие занятия Петра говорят о его стремительной деградации: «...он по большей части сидел у себя в комнате с камердинером своим Малороссиянином Карновичем, пьяницею и дураком, который забавлял его, как умел, и доставлял ему столько игрушек, сколько мог» (139). Доказательством несерьезного восприятия антигероя окружением может служить отказ в повиновении Петру Федоровичу калмыков, которые «не слушались В. князя и не хотели служить ему» (там же). Усмирить их не могли ни палочные удары, ни шпага Великого князя, кроме внушительной речи Великой княгини, которая «напоминала им их обязанности, и они тотчас становились покорны и послушны» (там же). Дополнением к пьянству цесаревича может служить эпизод о пожаре московского дома, в результате которого вскрылось тайное занятие Петра: «В комнатах В. князя было несколько огромных комодов; когда их выносили, несколько ящиков, незапертых или плохо запертых, обнаружили перед зрителями их содержание. Поверят ли? Все ящики были битком набиты множеством винных бутылок и водочных штофов. Это был погреб Его Императорского Высочества» (145). Саркастическая усмешка автора адресуется не столько никчемному мужу, сколько наследнику, явно не достойному, с просветительской точки зрения, престола.

По мере нарастания, в изображении автора, «проказ» Петра усиливается и смех императрицы, который из скрытого переходит в открытое осмеяние в эпизодах, где Петр Федорович, уже являясь отцом, все ниже скатывался в личностном становлении, возвращаясь к забавам ребенка: «В это время, и долго после, главною городскою забавою В. Князя было чрезвычайное множество маленьких куколок или солдатиков, деревянных, свинцовых, восковых и из труту. Он расставлял их на узеньких столах, которыми загромождал целую комнату, так что между столами едва можно было пройти. Вдоль столов прибиты были узкие медные решетки, а к ним привязаны шнуры, и если дернуть за шнурок, то медная решетка издавала звук, который, по его мнению, походил на беглый ружейный огонь. Он с чрезвычайной точностью, в каждый придворный праздник, заставлял войска свои стрелять ружейным огнем» (175). Однако эти детские шалости были бы невинны, если бы муж не позволял себе более серьезных проделок, имеющих куда как далеко идущие последствия: «Моя беременность не нравилась Великому князю, и раз, у себя в комнате, в присутствии Льва Нарышкина и многих других, он вздумал сказать: “Бог знает, откуда моя жена беременеет; я не знаю наверное, мой ли это ребенок, и должен ли я признать его своим”» (217). Чудовищная по своей легкомысленности фраза доказывает нахождение героев в двух полярных пространствах, высоком – Екатерины и низовом – Петра.

Изображая Петра III, Екатерина пользуется всей смеховой палитрой, имеющейся в ее распоряжении: от забавного шутовства и комедиантства до горькой ироничности. Это снижение ценного лица – большая писательская смелость автора, четко объясняющего свои просветительские идеалы через смеховые приемы. Таким образом, подвергая просветительскому осмеянию личность Петра III, Екатерина решала не только историко-политическую, но и семейно-воспитательную задачу. Приступая к «Запискам», когда намерение утвердиться на троне уступает желанию полного раскрепощения и освобождения личности, когда она «воздаст» почести всем тем, кто помог ей взойти на трон, она готовится к выполнению своей заветной мечты – обрести любовь и подобие семьи. С этой целью, как известно, она обращает внимание на Г.А.Потемкина [Лопатин 1997: 541]. Само отрицание героя давало повод к изображению предельно конкретной обстановки, в которой его нелепости выглядели бы действительно смешными, а немотивированное поведение представляло крайне глупым и несообразным с окружаю-

щей обстановкой. Антигерой Екатерины наделен всеми необходимыми качествами: глуп, склонен к пьянству и разврату, трус и грубиян. Волокитство Петра за фаворитками, обделенными женской привлекательностью, предстает в «Записках» как порок, вызванный не только физиологической, но и личностной несостоятельностью. Антигеройство Великого князя оказывается естественным следствием его непросвещенности и изначальной порочности, которая и привела его к низовому миру.

Итак, под действие романизации попадали не столько портреты Великого князя и Великой княгини, сколько их отношения друг к другу и поступки. Чем полнее изображала императрица свое личностное становление и его рост, тем мельче и по-шутовски предстал в «Записках» Петр Федорович и тем очевиднее проступала его неподготовленность как к государственному управлению, так и к семейным обязанностям. Подобное сцепление двух героев объяснялось прежде всего романским дискурсом, разбивающим и автобиографическую, и мемуарную детерминацию «Записок». В то же время критический взгляд автора проявлялся не только в самоанализе, но и в четком выстраивании эпизодов из своей жизни. Это объясняется не историко-хронологической мотивацией, а, с одной стороны, потребностью Екатерины в психологическом изображении себя как личности, с другой – мо-

наршей воспитательной задачей развертывания перед читателем поведенческой нормы и аномалии.

Примечание

¹ Записки императрицы Екатерины Второй. Репринтное воспроизведение издания 1907 года. М.: «Орбита», Московский филиал, 1989. С.70. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы в круглых скобках.

Список литературы

История женщин на Западе: в 5 т. Т.3. Парадоксы эпохи Возрождения и Просвещения. СПб.: Алетейя, 2008. 560 с.

Записки императрицы Екатерины Второй. М.: Орбита, Моск. филиал, 1989. 749 с.

Лопатин В.С. Письма, без которых история становится мифом // Екатерина II и Г.А.Потемкин. Личная переписка (1769–1791). М., 1997. 990 с.

Любовные истории. М.: Вече, 2003. 98 с.

Маргарита де Валуа. Мемуары. Избранные письма. Документы. СПб.: Евразия, 2010. 352 с.

Оставшиеся творения Фридриха Второго, Короля Прусского. История моего времени. СПб., 1789. Т.1, ч.1. 259 с.

RULES OF THE EDUCATED MONARCH IN “MEMORIES OF CATHERINE II”

Tatyana I. Akimova

Reader of Russian and Foreign Literature Departure
Mordovia State University named after N.P. Ogarev

In the article the problem of forming in Catherine II's consciousness standard rules of behavior of the educated sovereign, most brightly presented in the work «The Notes of the Empress Catherine II» is investigated. The art and literary basis of "The Notes", despite their documentary visibility, met the Empress's tasks of creating a moral and rationally thinking image of the monarch which was constructed due to her own internal reflexive activity.

Key words: Catherine II; novelistic structure; memoirs; historical and biographic genre; love adventure story.